

Владимир Муляров

Так бывает...

Владимир Муляров

Так бывает...

«Издательские решения»

Муляров В.

Так бывает... / В. Муляров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960339-5

Истории вымышленные и не вымышленные. Житейские наблюдения, русский быт и память о предках. Любовь, ревность, разлуки и встречи. Посвящаю своей жене...

ISBN 978-5-44-960339-5

© Муляров В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Две встречи	7
Визиты к великим	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Так бывает...

Владимир Муляров

© Владимир Муляров, 2018

ISBN 978-5-4496-0339-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Слова... Они приплывают к тебе сами. Как косяки рыб. А я лежу на диване и выуживаю их из глубин своей души. Они жадно глотают воздух в проруби твоего сердца. И ты чувствуешь их приход где-то у основания шеи. Рядом с аортой.

Я – типичный рыбак. Не охотник, нет. Я люблю сидеть на берегу и ничего не делать. Просто ждать свою добычу, которая тебе положена в меру твоих талантов. И она сама к тебе приплывает. Большая и жирная. Или маленькая и проворная. И тут главное – вовремя подсечь! Приплывающие к тебе слова нужно вовремя фиксировать на бумаге, как и рыбу на крючке. И те и другие слова я люблю одинаково сильно. Большие и жирные, маленькие и проворные. Разные. Что приплыло сегодня – такой и улов. И сам я не полезу никогда с сетками и снастями в этот бушующий океан грамматик и стилистик с их тезаурусами и лексиконами! Я свое место знаю. Оно на берегу. Стульчик и удочка об одном крючке – вот мое место! И на обманку не ловлю никогда! Нехорошо это, обманывать того, кого планируешь подрядить на работу. Не по-людски как-то. Бог Слово дал рыбакам сто пятьдесят три большие рыбы. Как средство от голода! А мой улов сегодня – всего-то пара абзацев: маленький и побольше. Сравним улов мой с парочкой окушков на пол-кило весом по совокупности. Слава Богу за все!

Две встречи

Пока у меня есть ты, у меня есть все. И то, что я с тобой пою в храме уже 20 лет. И то, что мы живем не вместе. И то, что несмотря на это горестное дело – жить не вместе, – мы единое целое. И пока мы по-прежнему единое целое и любим друг друга, мир стоит, и все вокруг хорошо! И Господь нас соединяет, словно клей два листа бумаги, и пишет на этих листках наши с тобою дни...

Посвящаю своей жене.

Среди множества странностей земли Русской, на которой нам с вами посчастливилось жить, есть одна странность, не известная более нигде. Происки лукавого в России возможны не токма по Промыслу Божьему, как и везде в мире, но часто по прямому Его указу! Так что когда лень бывает искусителю рода человеческого, либо не с руки связываться с русским мужиком, а тем паче с русскими бабами, то велит ему Господь это напрямую. Поскольку никакие иные меры нашего человека уже не берут! Тогда-то вот как раз и возникают ситуации, немыслимость и курьезность которых бывает невозможно выразить так, чтобы здравый рассудок в это поверил. Памятуя об этом я и дерзнул без известного любому рассказчику осуждения поведать вам историю моего общения с совершенно дивными людьми очень разных сословий, среди которых одного хотелось бы отметить особо. И не потому, что князь, а в силу исключительности размаха его русской души! Ни имя, ни истинную его фамилию я вам раскрывать не стану, не желая связывать выкрутасы наших с ним приключений с фамилией великого рода, но для удобства означу этого человека как Андрея Андреевича Энского.

Случилось мне утром двадцать девятого июня, в четверг, предпринять верховую поездку из имения моего в село, что рядом. На обедню в церковь и потом в сельскую баню. Шел тысяча восемьсот девяносто пятый год, и жара была лютая. Редкая для Российского центра. Я поспешал, прищпоривая в бока свою веселую, жизнерадостную, молоденькую кобылу Метёлку, и поэтому нагнал на нашей пыльной дороге Петра Петрушова, конюха и поденного трудника у благочинного местного, отца Анатолия Денисова. Петро неторопливо погонял своего старого коня, впряженного в телегу, и что-то напевал себе под нос. Когда же я поравнялся с ним, то обнаружил, что в телеге у него спит какой-то справный, дородный мужик лет тридцати от роду, ростом выше среднего. Был он бос и его ноги облепили оводы и мухи, из чего я и сделал вывод, что он пьян не в меру.

– Пропил, поди, опорки! – сказал мне Петр, проследив мой взгляд по ногам лежащего в телеге человека.

– Кто это у тебя, Петро? – произнес я громче обычного, памятуя о контузии его в последней Крымской кампании.

– Да пёс его знает! – так же громко ответил мне Петр. – На дороге подобрал. Версты три уже везу. Тяжелый, как мерин! Еле в телегу его загрузил. Как приедем в Брейтово, сдам его в околоток.

– Ты погоди, – сказал я Петру, – не спеши. Надо сперва нам самим выяснить, что за гусь!

– Как скажешь, барин! – проворчал Петр. – Но как по мне, так в околотке ему самое место! Третьего дня в Михайловском корову из стада увели. Говорят, снова шальные объявились, как и в том году. Может цыгане, а может каторжане беглые.

При этих словах мужик в телеге застонал и повернулся на спину, но в себя, однако же, не пришел.

Рассматривая его чумазое, помятое лицо, я понял, что это, конечно, не беглый никакой. Поколику породу человека, его внутреннее благообразие и стать не сможет скрыть ни алкоголь, ни грязь, ни помятость лица и ни что иное. «Не хам! – решил я про себя. – Определенно

не хам!» К тому же было в нем нечто для меня отдаленно знакомое. Он продолжал всю дорогу лежать на охапке сена, не выказывая признаков сознания. Так что выведать у него нам самим так ничего и не вышло. А по сему, по прибытию в село, мы и сдали его в участок. Петр приторочил коня своего, не выпрягая из телеги, и мою Метелку на коновязи у сельского базара, и они сразу же стали друг с другом шептаться на своем лошадином наречии. Сам же он направился в трактир поправлять здоровье. Я же – в Церковь, слушать обедню да молиться, потому как был Петров день.

– Петро, – обратился я к своему попутчику, глядя на то, как он мимо храма грядет в питейное место, – именины у тебя!

– Поставь за меня свечку, барин! – угрюмо ответил он. – Пил я давеча. А отец Анатолий на похмелье не причастит!

«Что верно – то верно!» – подумал я. На том и порешили.

К концу обедни пришел в храм голова наш, Вячеслав Николаевич Смирнов. Взял меня тихонько под локоть и силой вытащил в притвор.

– Что? – спрашиваю я его. А он шепчет мне в ухо тоном прокурора, зачитывающего приговор: – Это вы с Петькой князя Энскаго в околоток засадили?

Я даже похолодел весь от такой вести, и живот свело!

– Откуда известно? – спрашиваю.

– Да его уже который день ищет рысью по трем центральным губерниям весь российский сыск, и нам звонили третьего дня еще! – говорит мне Николаич. – Дозвонились и мы в Москву, выяснили все. Но как Их Светлость у нас оказались, сказать Они не в состоянии. Тьфу! Кабы не в храме, сказал бы по-другому. Что делать-от будем?

– А что велено? – спросил я шепотом, исподтишка поглядывая на произносящего с амвона проповедь отца Анатолия.

– А велено нам, мил человек, привести Их Светлость в полный порядок и надлежащим образом сопроводить обратно по месту жительства. Аж до самой Малой Ордынки!

– Это ж триста верст!

– Вот именно! И триста верст эти из местной казны будут! – сказал он, похлопав себя ладонью по затылку, и помолился при этом нецензурно. Потом подтянулся, одернул свой сюртук и говорит:

– Ладно! Я беру пиво и в баню. А ты отведи туда этого князя сам. Поскольку ты тут у нас един будешь благородного, чтоб вас, происхождения, а я всего лишь мещанин. Да наших собери, тех, что попрличнее.

– Что, прям с утра?

– Прям с утра! – ответил он мне. – Где ж еще его лечить-от? Будем этого печенега в порядок приводить нашими родными методами!

– Печенега! Скажешь тоже! Кабы не слышал кто, как ты Их Светлость кроешь!

– Да покрыл бы! – прошептал мне в ухо без видимой злобы Николаич. – Мироеды вы. Все до единого! Бездельники и винопийцы!

Он ушел, а я разыскал в трактире Петра и отправил его на своей Метелке известить семерых наших банных завсегдатаев, что ожидает их сегодня отменный пар, московский князь и праздничный стол. А так же от меня лично по три целковых. Чтобы вели себя чинно и в присутствии Светлейшего в бане не хамили!

– Аллюром, Петя, аллюром! – крикнул я ему вдогонку. И даже перекрестил! Затем разыскал мальчишку нашего местного, Кольку Мазурина, что подвизался звонарем на колокольне, и отправил его бегом в баню с посланием к банщику Андрею.

– Скажешь ему на словах, пусть как хочет, а чтобы через полчаса камни в глубинах печи красные зияли! Да березы не жалеть. А лучше лиственницей! Скажешь, плачу поллитру ему за лиственницу!

После всех этих распоряжений я вернулся в Храм Божий приложиться ко кресту. Мало ли, может в следующий раз уж только в Сибири и придется?...

В местном полицейском участке царила суматоха, граничащая с паникой. И, слава Богу, что тот, кого мы опрометчиво засадили на нары, еще не понимал ничего, придя, наконец-то, в себя. Мне, как и любому нормальному русскому мужику, было не чуждо иногда напиваться так, что потом даже не вспомнить кто ты есть. Вот именно в таком состоянии сейчас и пребывал наш новый знакомец. Я жестами издали показал нашим полицейским чинам, чтобы они скрылись поскорее с глаз долой и, не дай Бог, не стали задавать князю никаких вопросов в своем стиле: кто, откуда и зачем без дозволения напился? Сам же подошел к нему, сидящему на стуле и обхватившему руками голову, поприветствовал и сказал:

– Андрей Андреевич, у меня к вам есть одно замечательное предложение!

– Qui es-tu? (Кто вы?) – Хрипло ответил он мне на французском.

– Je m'appelle Alexander Sergeevich. J'habite Yuryevets. Un noble resident. Et je suis sur les affaires de torem ici. Puis-je vous aider? (Меня зовут Александр Сергеевич. Дворянин, проживающий в Юрьевце. А здесь я по торговым делам. Разрешите мне помочь вам?) – сказал я ему почти без акцента.

– Est-ce Russie? (Это Россия?) – просипел он и зашелся в кашле. Потом огляделся по сторонам и сказал уже по-русски: – Господи, где мы? – А я как мог более доходчиво ему дал ответ на этот вопрос.

Андрей Андреевич довольно долго сидел совершенно молча, глядя в одну точку на белой казарменной стене нашего околотка, пытаюсь выудить из памяти хоть что-нибудь. Но к воспоминаниям, видимо, не приспела еще пора. И тогда он посмотрел на меня как-то очень по-детски и произнес.

– Слушаю вас.

– Я знаю тут местечко, – сказал я ему, – где и люди не в мундирах, и посидеть погреться можно, и попить очень хорошего местного пива! Или заказать себе доставку чего покрепче, да с закуской!

– Вы про баню, что ли? – спросил Андрей Андреевич. А я лишь подмигнул ему и кивнул головой: – Именно!

– Но я никогда не был ... – начал-было он. – Хотя много слышал! Париж, знаете ли. У нас там по-другому все. И не припомню, чтобы князя так вот...

– О! – Сказал я ему. – Все великие русские цари, и князя в том числе, в банных делах всегда участвовали! А Царь-батюшка Петр Великий, так и вовсе с солдатами вместе парился! Это вам не какая-нибудь французская ванна, а отдых для души и тела! К тому же поможет вам поправить самочувствие!

– Да ну?! – искренне удивился Андрей Андреевич. – Коли самочувствие поправить, то давайте!

– И с пивом. Непременно! – сказал я князю.

Его Светлость на меня как-то странно и задумчиво посмотрел. Однако же решимости париться не утерял! Я вызвал через знакомого единственную на все наше село бричку, пригодную по своему приличию для перевозки персон важного уровня, и извозчик наш Слава Кошкин аккуратно доставил нас прямо к дверям нашей местной муниципальной бани.

На «ты» мы с Анрей Андреичем перешли сразу же после того, как рыбацких дел мастер Вася поддал «с маху» в парной, как он это умеет, буквально вбивая литра два воды из соснового ковша внутрь раскаленных камней. Перегретого пару при этом вышло столько, что из нашей парной двери давлением распахнуло в моечное. После чего дровяных дел мастер Николай «отходил» двумя вениками – березовым и можжевелевым, – Светлейшего так, что тот силится убежать, да мы не дали!

Князь Андрей охал и ругался, и совсем позабыл про манеры, что не удивительно, ибо в русской парной он оказался впервые за всю свою иноземную жизнь, в которой, как выяснилось, не было «самого главного»! Через какое-то время, грозя нам словами: «Всех повешу!» и «Сгною в Сибири!», он смирился с неизбежным, и мастер венично-банных пыток Николай Орлов, глядя на поверженного князя, сказал ему тоном любящего отца:

– Не бойсь, Ваша Светлость! Вот когда мы сидели в бане, апосля как с Их Высокопревосходительством генералом Лазаревым Карс взяли! Вот там было – да! Тогда у нас в парной-то двое даже преставиться сумели! Во как!

Когда же, наконец, эта экзекуция над Их Светлостью закончилась, и он полуживой выполз под общий гогот наших дивных мужиков из парилки в раздевалку, выражение лица у него было такое же, как у грешника, поднятого прямо в Рай из самых огненных глубин ада!

– Пи-и-и-ть! – прохрипел князь Андрей.

Я протянул ему целый бидон свежайшего, и охлажденного в банном «леднике» ячменного пива, что принес нам наш голова, а он впился в ободок бидона ртом, что аж лязгнули зубы! И высосал за раз никак не меньше половины.

– Вот! Это! Да-а-а! – заревел он так, что через стену от нас, в соседней женской раздевалке закудахтали исполошённые бабы, подумав, видимо, что разгоряченные банным азартом мужики решили вспомнить свой воинский долг и взять их отделение на абордаж.

– Не верю, что такое может быть! – Сказал мне князь Андрей, когда пришел в себя.

Он сидел красный, от него клубами поднимался пар, несмотря на полуденный зной, и вид у него был безмятежно-счастливый. Он придвинул поближе к себе бидон с пивом.

– Кто эти люди? – Спросил он меня, имея в виду наших обычных банных завсегдатаев, и я вкратце ему рассказал про каждого. Мужики сидели отдельно от нас и низко гудели о своем, стесняясь надоедать человеку, которого я им представил как князя Энского. Да и панибратство у них было не принято. Между нами – и только между нами, завсегдатаями бани, – существовало негласное соглашение: при входе в баню вместе с одеждой все чины – вон! И мы неотступно следовали этому непреложному правилу нашего банного товарищества. Мы и общались друг с другом «на ты», и шуточки позволялось отпускать любого рода. Но это, естественно, не могло распространяться ни на кого, кто еще, так сказать, не воцерковился в рамках нашей банной религии. Существовали и иные банные традиции, некоторые из которых были уже безвозвратно утрачены в связи с развитием и изменением в человеческом обществе нравов.

– У нас, Ваша Светлость, так заведено. Все чины и звания ты с себя снимаешь вместе со всей одеждой. В бане все чины – вон! – Рассказывал князю подсевший к нам Павел Федосович Морозов. Купец наш местный. Мужичина огромный. Не мироед. Из тех, кто с мужиком в поле трудничает, да и выпить может полведра! – Чины и звания – это еще что! – Говорил он внимательно слушавшему его Андрею Андреевичу. – Я вот помню года, когда в бане этой только одно отделение было. Без деления на мужское и женское. Так вот и мылись. А ежели у кого какие поползновения случались, то бабы его сходу холодной водой! Шайку, а то и две выплеснут. Да и все тут! И под общий хохот! А если не помогала холодная, могли и кипятком тебе по оглобле шваркнуть! Вот тогда весело было! —

А вот о том, что было дальше, и каким образом голые мужики, сбросив с себя вместе с одеждой все чины, звания и родовые отличия, парятся и пьют пиво, я умолчу. Потому как это сугубо наше, мужское развлечение!

Обратно мы с князем Андреем заявили в гостиницу на ночлег аж через четыре часа. Он повис на моем плече, будучи почти на голову выше меня, и тащить его на себе было до крайности неудобно. Но идти самостоятельно он уже был не в силах!

На улице вечерело, и уже вовсю звенели обычные наши комары. Однако, к нам они даже не подлетали, опасаясь, видимо, насмерть отравиться исходящими от нас ароматами «русского народного одеколona».

– Скажи, Андрей Андреич, – задал я ему свой вопрос, когда мы на ватных ногах начали свое неспешное движение в сторону гостиницы. – Как все-таки ты у нас здесь оказался? У нас ведь не то что князя, даже Генерал-Губернатора сроду не бывало. Глушь ведь отменная!

Он только помотал поникшей головой.

– У Мусин-Пушкиных был я, Саша. Давно звали в гости. С графом Александром Алексеевичем я знаком еще по Парижу. Хоть он и постарше меня на десяток годов будет. Выпил я тогда зело и гулять ушел. Сам не знаю как заблудился. Шел, да шел куда-то.

Он поднял на меня свои глаза, в которых читалось страдание.

– Теперь вот как в глаза-то смотреть графу! стыдно... Ты даже не можешь представить насколько!

– Так ты, Андрей Андреич, в Иловне, что ли был-то? – удивился я. – Это же в сорока верстах от нас! И на той стороне Мологи!

– Не знаю я, Саша. Вроде бы там. Неделю как блужусь тут у вас, и сказать стыдно кто я и откуда. Да и кому скажешь-то? Двадцать верст до ближайшего околотка! Слава Богу, люди кормили. Стелили на сеновалах, да и пару раз в избе ночевал. А давеча напоили сильно какие-то странные мужики, косматые и страшные с виду, которые корову вели в лес. Подхватили меня на почтовом шляху под руки, да и увели с собой. Все смеялись надо мною, хамили... Страшно мне было, Саша! Да деться некуда. Туфли сняли с меня там. Одежду...

– Да! – констатировал я. – Это тебе, брат, не Париж!

Мы неспешно продвигались по залитому вечерним солнцем тихому и очень уютному нашему селу. Я шел в обнимку с ним, поддерживая его, чтобы не упал, и думал о том, какой бесценный жизненный опыт приобрел Андрей Андреич! Ночевать с крестьянами в клоповой избе, с мышами на сеновалах, а потом еще и с разбойниками шальными есть в лесу украденную корову... За такую школу, брат, не то что туфли, ничего не жалко отдать!

Вот таким вот образом мы с Андреем Андреевичем и познакомились. Но мне еще предстоял путь с пол-версты в гостиницу для паломников, стоящую на берегу возле часовни, да с ним, повисшим у меня на плече. А после еще и две недели неспешного конного хода по пути на Малую Ордынку, в Москву. Но эти две недели составляют уже совсем отдельный роман...

С князем Андреем судьба меня свела еще раз. Нежданно, спустя целых двадцать лет. В предреволюционном Петрограде в пятнадцатом году. Тогда его, раненого в ногу, я случайно повстречал на Знаменской площади, возле Николаевского вокзала. (Ныне – Площадь Восстания и Московский вокзал. – прим. автора.) Стоял февраль. Обычный для зимнего Питера сумрачный, тоскливый день, пронизывающий до костей ветер со стороны Финского залива и, конечно же, гололед. Я шел, едва держась на ногах, в тоненьких и совсем не зимних своих башмаках, а впереди меня человек на костылях и в шинелке внезапно поскользнулся и упал. Когда же я доковылял к нему с целью помочь, моему удивлению не было предела! Исхудалый и бледный, сильно постаревший, седой, как лунь!

– Душа моя, Андрей Андреич! – воскликнул я.

А он так и всерьез расплакался. Но тут подоспели сопровождавшие его двое солдат и денщик, помогли подняться, а я сопроводил его до госпиталя и предложил денег. Сколько бы его не обидело. Однако, денег он не взял, но согласился лишь на кружку чая с сахаром и осьмушку хлеба. И пока мы подкреплялись в харчевне на углу Невского и Марата, а потом потихоньку пробирались все вместе по ледяным колдобинам почти до Пассажа, где на тот момент располагались фронтные госпитали, он мне рассказал многое о себе. Его личные дела из соображений приличия разглашать я не стану, но лишь то, что касается остальных некоторых из той нашей компании.

– Сан Сергеич, милый! – плакал князь Андрей. – Ведь что делается? Рушат же Россию-то, рушат! Коля с Васей оба погибли в один день во время штыковой атаки на передовые тран-

шеи немца, потому что воевали, будучи призваны в один пехотный батальон. Их скосили, как июльскую траву. Как траву, Саша! И мне, бывшему у них в полку начальником штаба, выпало заполнять на них обоих похоронные листы. Для Лидии и Марии. Я уже не понимаю ничего, Саша! В войсках анархия и разброд умов! Приказы не исполняются. Часто. Люди все какие-то появляются. С виду военные, но по мне так штатские. Это же сразу видно. Бередят солдата бредовыми идеями о всеобщем счастье. Что это, Сан Сергеич? Да и Бога забыли!

Это все я, конечно, знал и сам. И настроение наше было под стать виду за окном: лишь холод и мрак. И никаким горячим чаем с осьмушкой хлеба было не выгнать из души эту ледяную стужу. Мы стояли, грея руки о горячие кружки, и всхлипывали каждый по-своему, но оба по поводу одного и того же надвигающегося на всех нас мрака.

– Знаете, Саша, – сказал мне Андрей Андреевич, допив свой чай, – я вот все вспоминаю ту нашу с вами встречу в Брейтове. И... А хотите, я вам скажу, как мне видится вся эта нынешняя гениальная постановка?

Я в ответ лишь кивнул головой.

– Это, Саша так бывает. Я в госпиталях такое же видел и не раз. Когда смертельно больной умирает, то на недолгое время к нему возвращается и разум, и силы откуда-то берутся и даже свет изнутри него идет. Я же врачом служу, почитай, с девятисотого. Через меня тысячи прошли. Бывает так, как будто бы человек только что выздоровел и счастлив от этого. Вот так же, – говорил он, отвернувшись от меня и глядя в стужу за окном, – вот именно так же и было тогда, в то время! Ведь все же было хорошо. И страна, и народ душевный. А погода? Вы помните, Саша, какая была погода?!

Он всхлипнул дрогнувшим голосом и вдруг зашелся в слезах. Я стоял и не мог шелохнуться. Хотя, наверное, стоило бы его обнять и утешить как-то. Но я не мог. Меня парализовало это внезапное понимание того, о чем хотел сказать мне князь Андрей. Страна накануне своей кончины. Смертельно больная, отравленная внешними ядами, ненавидимая внешними завистниками, прекрасная, могучая, щедрая Мать. Она уже лежит и встать не может. Ее уже повалили и избили ногами вдоволь. Истоптали. Искололи штыками, и не подняться ей уже. Но в любви к нам, ее чадам, терзающим и добивающим ее, она благословляет, прощает и по прежнему отчаянно всех нас любит! И тот год, и еще несколько лет после, были для России как раз этим последним предсмертным даром свыше. Когда ты вдруг перед самым часом кончины чувствуешь прилив сил, непонятную, ничем необъяснимую радость бытия, всех-всех любишь и всем все прощаешь. Я стоял и не мог вздохнуть. Так сильно и так явственно возникло предо мной это видение истинного положения дел. И в голове сразу все как-то прояснилось.

– У нас в крови это. – сказал я тихо, чуть сам не подавившись комом в горле. – Девятьсот лет Православия, Андрей Андреевич. Наша земля этим духом пропитана насквозь. Любовь, да Свет Божий. А сейчас... это все ушло.

Он только кивнул головой, оперся на руку денщика, и мы вышли на Невский. В стужу. Поднялась метель, и слезы, выкатывающиеся из его глаз, быстро превращались в сосульки на его помятой бороде. Да и на моей мои слезы тоже. Мы брели, еле переставляя ноги. А если сказать вам честно, и к моему несказанному стыду, я пожалел тогда о том, что встретил его снова. Душу он мне разбередил, как никогда! Так мы и расстались впопыхах с ним у дверей Пассажа, на которых был намалеван красный крест. И, как оказалось, навсегда. Лишенные всяких иллюзий и надежд в отношении ближайших наших дней.

А потом грянула Революция, и все вообще полетело кувырком! И Россия, и люди – все! Красной Конницей с пашками наголо прокатило по нам то лихолетье! И добило все, что еще оставалось сохранным после войны с Антантой и заключенного Брестского мира. И всех нас, друзей и товарищей, раскидало по разные стороны баррикад! Голова наш сельский, Вячеслав Николаевич, оказался воюющим в коннице Буденного, рубил нашего брата буржуя наотмашь и несмотря на годы, дослужился до комдива. А вот Андрей Андреевич оказался по другую

сторону. Невзирая на свое ранение, воевал в войсках адмирала Колчака и доблестно сложил свою голову за Царя и Отечество под Хабаровском. Остальные же наши, из тех, кто вместе с нами пил и веселился в той нашей Брейтовской бане, разделились в аккурат надвое. Били друг друга нещадно по всем фронтам той братоубийственной мясорубки, позабыв и про наше банное товарищество и... Но ведь сейчас-то те, кому посчастливилось тогда выжить, уже итак старики немощные. Как и я. Чего уж теперь судить друг друга? Мне тоже довелось пройтись пешим порядком несколько сот верст в рядах отступающей добровольческой армии, вплоть до Севастополя. Откуда и посчастливилось уплыть сперва в Турцию, а после с оказией перебраться в одно из наших семейных имений, в Ниццу. Если вообще уместно применять понятие счастья к эмиграции и жизни на чужбине без возможности возвращения на родину. Позже мне, как известному на тот момент ученому и инженеру, через советское посольство приходило приглашение на работу в СССР за подписью их наркома Калинина, да я отказался. После того, как изгнали они из страны два парохода светлейших умов России, я считал и считаю себя не в праве выглядеть кем-то большим, чем они. Да и не по мне это, когда кухарки страной управляют. Старший сын мой, Сашка, закончил в Москве Академию имени Жуковского и сейчас инженер на заводе «Русское Рено», что в Рыбинске. А вот Младший мой, Николай... Он отказную написал и от меня, и от матери своей. Отказался от нас, чтобы не считаться сыном буржуев, и сейчас офицер в Красной Армии. Так-то вот. Бог ему судья. А по мне он сын как был, так и есть.

Может, конечно, случится и так, что все получится, что задумано у них там их неумными вождями. Не знаю. Честно. Потому как в истории такой беды еще не было. Но участвовать в построении государства на морях крови и горах костей своих соплеменников, я категорически не могу! Ибо порядочность всякого из нас определяется твоим личным участием в беззаконии. И более – ничем!

Но если спросит меня кто-нибудь из вас по поводу всего, что с нами случилось тогда, скажу вам, как на духу: помню только один Нескончаемый Свет, исходящий от нашей страны и ее людей. И не помню ничего, кроме этого Света. Он пробивается даже и сейчас сквозь Кровавый Саван, которым покрыта наша Россия. И еще помню счастье от того, что всех тех, о ком я вам рассказал, мне довелось знать и всех их любить! Смотрю на старые фотографии, что чудом у себя сохранил, и вижу спокойные, беззлобные лица, исполненные всяческого человеческого достоинства. Красивые лица тех дореволюционных людей, как образ Божий! Как в церкви на иконах. Поминаю их всегда: красных и белых, богатых и бедных, живых и мертвых, всех. Они до сих пор все для меня живы, здоровы, дружны и веселы. Как и тридцать лет назад в той нашей Брейтовской бане.

Такой вот у меня рассказ вышел. Годы берут свое и требуют рассказать о главном. И, слава Богу, что хоть жить есть где, да голова цела!

За сим прощаюсь с благодарным читателем, ваш Александр Сергеевич Павловский. Потомственный дворянин, аристократ, ученый и инженер, а ныне – извозчик на пролетке во французской Ницце. Лета тысяча девятьсот двадцать пятого от Рождества Христова...

(Памяти моего прадеда Александра Сергеевича Павловского и иных былинных предков, трудами которых созидалась Российская Империя.)

Визиты к великим

Мое знакомство с Рахманиновым? Это все напоминало побег заключенного из хорошо охраняемой тюрьмы. Да, да, да, дражайший граф Монте-Кристо, вот вам ваша одиночка с толстенными стенами вокруг. И медная ложечка для взламывания этих самых стен! И никаких вам аббатов Фариа по соседству!

Так вот. Рахманинов. Сергей Васильевич... Кто бы еще писал ноты с шестью бемолями в ключе? Или с пятью диезами? Или с растяжками в две октавы? Нас в музыкалке не учили играть в таких не востребуемых тональностях. Так же как и садиться пальцами на шпагат! В особенности трудно от того, что читка с листа еще хромает. Так-себе, на троечку читка, с большой натяжкой.

Но красив! До чего же красив! Какие краски, и как они тебя «забирают»! И ты невозможно, невыносимо не, не, не, не, не, невыразимо в словах хочешь все это исполнить! И дело усугубляется тем, что тебе всего-то пятнадцать, а твоей новой и совсем еще молоденькой училке по специальности, Виктории Валерьевне, всего на восемь лет больше, но она уже закончила Консерваторию. И ходит она, словно бабочка порхает! А ты в нее, ну... влюблен, конечно же! Ведь ты же нормальный пацан, с нормальным развитием! Ах, эта твоя юношеская платонически-возвышенно-мечтательная влюбленность! Она щедро удобряется и великой музыкой, которой ты учишься, и лирикой Есенина, которого ты тоже превозносишь. И эта твоя потребность любить растет на этой благодатной почве, превосходя все пределы, разливаясь на все вокруг тебя. И на Викторию Валерьевну, и на девчонок в школе. Причем, на всех! И такое вообще возможно только в юности. Потому что только в юности любовь бывает настолько чистой, настолько еще ничем не изгаженной, настолько возвышенной и настолько искренней, что может охватывать собою многих! Как в молодости Пушкина! И не только Пушкина. Они потому и великие – те, кто сумел сохранить в себе чистоту и силу той самой Первой Любви, которая однажды в тебе пробудилась, не опошлив и не испоганив ее обыденностью взрослых твоих дней. Они потому и великие, что смогли любить все и вся. Любить ярко, неистово, неослабно и нескончаемо! Тогда внутри тебя и рождается такой внутренний порыв, что тебе все возможно становится. Что бы ни захотел, за что бы ни взялся. Когда внутри тебя полыхает тихое, чистое пламя Любви! Только в Любви возможно все суметь и ни в чем ни усомниться, соединяясь с Богом. И любить, любить, любить...

Идет весна. И воздух Донецкого апреля, такой синий и теплый, еще не знойный как летом, он, этот воздух, уже наполнен несказанными ароматами цветущих садов! Потому что природа, как и ты, очень, очень спешит жить! И в голове у тебя, конечно, никакие не уроки! Ведь ты весь внутри бурлишь, будучи переполнен счастьем, которое невыразимо в словах! Оно, это счастье, просто есть. В тебе, в весеннем цвете, в глазах озорных девчонок, случайно столкнувшихся с тобою на улице. В их улыбках и мимолетном смехе! В... Да во всем! Все сейчас залито счастьем, и все это чувствуют! На то она и молодость! На то она и весна! И даже драчуны из соседнего поселка перестают тебя задевать при встрече. Потому что и они – такие же самые дети шахтеров, как и ты.

И вот однажды во время урока, когда ты рассеянно пытаешься что-то играть, приюхиваясь к аромату духов своего педагога и поглядывая исподтишка на ее слишком правильные и слишком открытые коленки, как раз тогда она, взирая на твои мучения с инструментом, тебе говорит.

– Все, Володя! – говорит она тебе, слегка сморщив свой носик. – Хватит уже этих мук! Отойди-ка, я сяду.

И садится, и начинает на убитом нашем студийном пианино исполнять «Революционный» этюд Шопена. А ты просто тогда уже совсем теряешь сознание! От правильности и кра-

соты звука. От того, что раньше вживую никогда такого не слышал. И от того, как эта маленькая птица-синица, ... от того, что она вытворяет с клавишами! И только тут ты понимаешь, что в этой пичуге Виктории Валерьевне сокрыта какая-то невероятно огромная и таинственная сила и красота! Опасная. Иногда даже страшная. Но до невозможности прекрасная! И удивительная сила! И когда она кончает играть, ты понимаешь, что – вот оно! То самое, что хотел бы всегда делать ты – играть так же, как играет она! А она смотрит на твои мокрые от слез щеки и задает тебе вопрос, не требующий ответа.

– Хочешь так же? Тогда будем учиться по-другому! – говорит она тебе. И ты в этот самый момент видишь уже перед собой не педагога, а кого-то совершенно другого. Близкого друга. Да. Человека, который понял то, о чем ты сам только лишь мечтал и даже не смел сам себе в этих мечтах признаться! А она это в тебе разглядела. Это желание подчинить своей воле инструмент, эти звуки и эту музыку. Владеть ими! Управлять ими! Рожать их! И она это вот твое желание просто произносит за тебя. Вслух. И замечаешь в ее глазах это понимание твоего сокровенного, этот отклик на твои мысли. И потом – лишь кивок головы.

Проходит целая Вечность вашего открытого взгляда, и Виктория Валерьевна говорит.

– Так. – говорит она тебе. – Вот это мы больше не играем. И даже в руки больше не берем! – и откладывает толстую синенькую книжку с названием «Школа игры на фортепиано» на самый край инструмента. И достает из своего портфеля толстую книгу, на которой написано «Рахманинов. С. В. Избранные фортепианные произведения». Но ты-то, конечно, натура музыкально-утонченная, ты, конечно же слышал Рахманинова, и не раз! И пластинки с классикой мать, которую вы с братом ласково называете Масей, покупает вам регулярно. И ты смотришь на имя и фамилию того, кого тебе предложили «поиграть», и не веришь своим глазам. А она, видя твой открытый рот, тут же тебе говорит те самые слова, которые только и могут открыть в человеке двери возможностей, талантов и раскрепостить, развеивая в прах всяческие сомнения и заниженную самооценку. Она тебе говорит именно то, что должен сказать педагог с большой буквы «П». Чтобы сразу же вселить в ученика полную уверенность в его силах.

– Ты единственный, кто это... м-м... кому это вообще под силу! – уверенно говорит она тебе. И смотрит на тебя своими по-детски чистыми, хитрыми глазами, слегка наклонив голову вниз. Поверх очков своих смотрит. Испытующе. С интересом. И видя твой вопросительный взгляд, добавляет. – Из всех, кого я знаю! Так что, иди домой и разбирай. Сколько сможешь.

И вот именно эти слова убирают из твоей головы все стенки и препоны, которые обычно и не дают людям возможности себя как-то проявить! И они, эти слова, делают тебя сразу же очень взрослым и очень... ответственным! Да! Потому что это не бирюльки какие-нибудь, это – Рахманинов! Этот момент становится моментом твоего превращения из подростка сразу же во взрослого мужика. Пусть еще глупого, но уже – взрослого! Который с этого самого времени все в жизни будет делать как мужик. Как батя. Как батины друзья. Как ваш физик в школе, Николай Викторович Кривов, одорукий, горевший в танке на Курской Дуге. У которого на уроках даже самые отпетые сорванцы и школьные хулиганы всегда сидят, затаив дыхание! Как все, кем ты до этого только лишь восторгался, глядя на них снизу вверх детскими своими глазами. Шахтеры, фронтовики, бабы, поднимавшие шахты и города из руин, и просто честные люди, трудяги. А теперь и ты с ними в одной упряжи. Все! Ты вырос! И поэтому даже на свою любимую училку смотришь уже совершенно другими глазами! Эта трансформация в тебе происходит столь стремительно и столь безболезненно, что остается незамеченной никем. Но ведешь с этого дня ты себя уже совершенно по-другому. Ты стараешься быть взрослым, и кое-что у тебя получается уже прямо сейчас...

Ты идешь с урока музыки домой со своим новым нотным сборником Рахманинова. И идти-то тебе всего сто метров. Потому что дом совсем рядом с Клубом, где ваша музыкальная студия. А твои сверстники тебе кричат:

– Идем стрелять в посадку из нового самопала! – и показывают в руке длинный проходческий бур, который они уже переделали во вполне боевое оружие.

– Не. – говоришь ты. – Мать сказала с Русланом сидеть дома. А батя во вторую! – и бегом бежишь домой. Потому что твой пятилетний братейник, озорник-затейник, постоянно болел горлом. И сейчас он не в садике, а дома. И знаешь, что стоит только вам остаться с ним дома вдвоем, он из тебя все жилы вытянет! Но, делать нечего. С Масей не поспоришь – себе дороже!

Дорожка-подъезд-пятый этаж. Все налету, на едином вздохе. Через три ступеньки. И даже без одышки. Сталкиваешься в прихожей с Масей, и она целует тебя в лоб и уходит вести продленку в школе. А твой братейник, озорник-затейник, тут как тут и с ехидным прищуром смотрит на тебя в упор, дескать: «Ща я тебе устрою!» Но ты хитрее малого пацана. Ты точно знаешь, чем его купить раз и навсегда. И ты отпираешь запертый на ключик «Сервант» и достаешь свою единственную на весь город электрическую железную дорогу, сделанную в ГДР, и купленную по чистой случайности в Москве в магазине «Лейпциг». Ей, этой дороге, цены нет! И братейник тарашит глаза, ошарашенный такой твоей щедростью, а ты ему говоришь. Назидательно и строго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.